
ОЛЕГ ПАЛЕК
СЦЕНАРИЙ
Звездочка
для полковника
Любовь, тайна и чужая роль

Олег Палёк

Звездочка для полковника

«Автор»
2026

Палёк О. А.

Звездочка для полковника / О. А. Палёк — «Автор», 2026

Её книги читают как исповедь настоящего офицера. Её имя никому не известно. Девять бестселлеров. Один выдуманный полковник. Один нанятый актёр, которому приказано молчать. И один настоящий подполковник, который умеет распознавать фальшь в боевых сценах, но не замечает, кому пишет самые откровенные письма. Вера может сочинить любую историю. Кроме той, в которой ей придётся выйти к людям со своим лицом — и не потерять мужчину, который первым поверил её словам.

© Палёк О. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Annotation 5
Олег Палек 6
Глава 1. Москва. 14 сентября 2017 года 7
Глава 2. Москва. 25–27 сентября 12
Глава 3. Москва — Тверская область. 2–3 октября 17
Глава 4. Тверская область. 4–5 октября 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

О. Палёк
Звездочка для полковника

Annotation

Её книги читают как исповедь настоящего офицера. Её имя никому не известно. Девять бестселлеров. Один выдуманный полковник. Один нанятый актёр, которому приказано молчать. И один настоящий подполковник, который умеет распознавать фальшь в боевых сценах, но не замечает, кому пишет самые откровенные письма. Вера может сочинить любую историю. Кроме той, в которой ей придётся выйти к людям со своим лицом — и не потерять мужчину, который первым поверил её словам.

Олег Палек
Глава 1. Москва. 14 сентября 2017 года
Глава 2. Москва. 25–27 сентября
Глава 3. Москва — Тверская область. 2–3 октября
Глава 4. Тверская область. 4–5 октября
Глава 5. Тверская область. 9–10 октября
Глава 6. Тверская область. 11–12 октября
Глава 7. Тверская область. 13 октября
Глава 8. Тверская область. 14 октября
Глава 9. Тверская область. 15–18 октября
Глава 10. Тверская область. 20 октября
Глава 11. Тверская область. 25–26 октября
Глава 12. Тверская область. 27 октября — 5 ноября
Глава 13. Тверская область. 8–9 ноября
Глава 14. Тверская область. 10 ноября
Глава 15. Тверская область — Москва. 11 ноября
Глава 16. Москва. 22–24 ноября
Глава 17. Москва. 4 декабря
Глава 18. Москва. 14 декабря
Глава 19. Москва. 14–15 декабря
Эпилог. Москва. Год спустя

Олег Палек
Звездочка для полковника

Глава 1. Москва. 14 сентября 2017 года

Без двадцати семь, еще не умывшись и не включив чайник, Вера открыла страницу девятой книги Рокотова и первым делом посмотрела на звезды. Со вчерашнего вечера их стало на одну десятую меньше. Вера пролистала отзывы вниз, как пролистывают гранки к месту, где наборщик наверняка что-нибудь напутал. Виновник нашелся быстро. Читатель поставил четыре из пяти и пожаловался, что Кречет слишком долго прощается с городом. А в конце написал: «Сразу видно — мужик служил, такое не придумаешь».

Тире в этой фразе стояло правильно, и больше похвалить там было нечего. Придумала она все, от первой строки до последней, включая финал, над которым в марте просидела четыре ночи. Финал, выходит, так и остался затянутым. Ноутбук грел колени сквозь одеяло, постель со вчерашнего дня стояла незастеленной. Вера никак не могла решить, что ее задевает сильнее: отнятая звезда или то, за что ей великодушно оставили остальные.

В группе Рокотова во ВКонтакте за ночь набежало одиннадцать комментариев. Публика там собралась почти сплошь мужская, на аватарках щуки, гаражи и черно-белые армейские снимки. Многих Вера давно узнавала и без аватарок, по запятым, точнее, по тому, с каким упорством их не ставят. Кто-то спрашивал, где Кречет учился стрелять. Вера глотнула из вчерашнего стакана теплой воды с привкусом пыли. Ответила она за полковника так, как он отвечал всегда, коротко и без восклицательных знаков: «Там же, где все. Остальному научила жизнь». В чужой рукописи она эту жизнь вычеркнула бы не глядя. Но под такими ответами читатели ставили сердечки, и за десять лет Вера выучилась держать полковничье отдельно от своего, как держат отдельно рабочую и домашнюю обувь.

В десять минут восьмого зазвонил телефон. Вера вздрогнула раньше, чем увидела на экране «Папа». Отец звонил по воскресеньям и по средам, а сегодня был четверг.

— Не спишь? — спросил он вместо приветствия, как спрашивал всю ее жизнь, хотя ни разу не застал ее спящей. — Я дочитал девятую, до трех часов сидел. Хотел до воскресенья потерпеть, чтобы позвонить как положено, и не вытерпел.

Вера сказала, что очень рада, спросила, как ему финал, и тут же об этом пожалела. Так спрашивает автор, который ждет приговора, а не дочь, которой просто приятно за отца.

— Финал как финал, Кречет там долго прощается с городом, но он, я так понимаю, право имеет, после всего, что с ним было, — сказал отец. — Я тебе про другое скажу. Вот мужик классно пишет. Я каждый раз как будто с нашими на кухне в Североморске посидел.

Вера поставила стакан на подоконник, чтобы не уронить. Она посмотрела на свои руки, написавшие эту кухню со всеми ее сигаретами, байками и отцовскими прибаутками. Потом сказала, что ей очень приятно.

— А у тебя что? — спросил отец тем голосом, которым всегда переходил от приятного к полезному. — Нашла что-нибудь нормальное или так и переставляешь за людьми запятые? Тебе тридцать четыре года, Вера, голова у тебя золотая, а ты сидишь дома и исправляешь чужие ошибки, когда могла бы делать что-то свое.

Она ответила, что сегодня у нее важная встреча в одной кинокомпании и что-нибудь нормальное, может быть, появится. Ответ вышел гладкий и с подробностями, которых никто не просил. Отец помолчал, сказал «ну дай бог» и пообещал позвонить в воскресенье, как обычно.

Марго написала в четверть восьмого, когда в издательстве наверняка не было никого, кроме нее и охранника:

Не опаздывай. И не вздрагивай.

Вера закрыла ноутбук и тут же открыла снова. На рабочем столе, между папками «Счета» и «Рокот», лежал файл десятой книги. Третий месяц она открывала его по утрам и закрывала, не дописав ни строчки. Кречет стоял там у окна над пустой площадью уже девяносто дней и ни

о чем не думал. Деньги за права на первые три книги, купленные «Дублем» еще летом, лежали на счете, но трогать их Марго запретила до сегодняшней подписи. Без второго соглашения о рекламном участии автора «Дубль» мог приостановить выплату и потребовать вернуть аванс по условиям первого договора. После подписи они уйдут в банк и закроют ипотеку на пять лет раньше срока. От этой мысли Вера замирала, как перед прыжком в холодную воду.

Переговорная «Дубля» была стеклянной с трех сторон. Вере, которая всю жизнь садилась спиной к стене, досталось место спиной к коридору, где все время кто-то ходил с коробками. Напротив сидела шоураннер Ольга Дымова, женщина лет сорока, с телефоном у уха. Телефон она не опускала, даже когда обращалась к тем, кто сидел за столом. Лысеющий продюсер «Дубля» кивал Вере так вежливо, будто заранее соглашался со всем, что она скажет. Представитель канала «Рубеж» сидел в пиджаке того синего цвета, какой бывает только у телевизионных заставок. На подоконнике в углу сидел мальчик лет десяти, Ольгин сын, которого в этот день не с кем было оставить. Он крутил на пальце спиннер и смотрел на взрослых с лицом человека, отбывающего за них срок.

Представитель канала включил презентацию, и на стене во всю ширину проступил слоган кампании: «Настоящий полковник. Настоящие девяностые». Вера машинально посчитала слова: четыре, из них два раза одно и то же. Корректор в издательстве непременно указал бы на повтор, а маркетолог объяснил бы ему, что повтор и есть идея. Полковника при этом не существовало вовсе. Девяностые в пробном ролике были такими же подлинными, как кожаные куртки из костюмерной с несрезанными бирками.

— Мы строим всю кампанию на доверии, — сказал представитель канала и повернулся к Вере, словно доверие лежало у нее в сумке и он рассчитывал его оттуда получить. — Наш зритель устал от актеров, которые играют военных, ему нужен человек, который сам оттуда, и поэтому полковник для нас не просто автор, а лицо проекта, даже если этого лица никто никогда не увидит.

Вера ответила, что полковник высоко ценит доверие канала и рад таким партнерам. Вышло ровно, без единой запинки, как выходит только сочиненное заранее.

Договор лежал перед ней в двух экземплярах, с желтыми стикерами там, где надо было расписаться. Права на экранизацию «Дубль» купил еще летом через издательство. Сегодня подписывали дополнение: согласования, титры, участие автора в рекламе — отдельным пунктом, мелким шрифтом. Марго прочитала его с карандашом и сказала, что на этом пункте их когда-нибудь и съедят. Вера расписывалась по доверенности издательства как представитель правообладателя. Для канала она оставалась помощницей полковника.

Она дошла до второго экземпляра, вывела «Котова» и начала росчерк. И тут за стеклянной стеной что-то рухнуло с таким грохотом, что на столе звякнули стаканы. Вера вздрогнула всем телом, ручка дернулась, и стержень прорвал бумагу поперек строки, ровно через фамилию. В коридоре двое реквизиторов, ругаясь шепотом, поднимали стойку с флагами для соседней съемки. Один флаг еще лежал поперек прохода, как после неудачного парада.

— Да у полковника, я смотрю, и помощница контуженная, — сказал представитель канала и засмеялся первым, давая остальным разрешение тоже посмеяться. — Это у вас от него передается или своя, личная?

Засмеялись все: продюсер вежливо, Ольга прямо в телефон, так что на том конце, наверное, решили, что смеются над ними. Вера тоже растянула губы и держала улыбку, пока пальцы под столом не перестали трястись. Не засмеялся только мальчик на подоконнике. Он перестал крутить спиннер и посмотрел на Веру серьезно и сочувственно, как смотрят на взрослого, которого отругали за чужую вину.

Продюсер распечатал новую страницу, и Вера расписалась второй раз, медленно и старательно, как в школьной прописи. Вздумай кто-нибудь за этим столом сличить новую подпись с порванной, он решил бы, что расписывались два разных человека. И был бы почти прав.

— Ну все, бумаги закончили, теперь кино, — сказала Ольга и наконец положила телефон экраном вниз. — Ролик вы видели только в почте, а это не считается, его надо смотреть в зале и со звуком. И с нами посмотрит наш постановщик трюков, я хочу, чтобы вы познакомились: вам с ним еще работать и работать.

Работать с постановщиком предстояло полковнику, который никуда не выезжал, то есть никому. Вера кивнула спокойно: прогноз погоды в чужом городе ее не касался.

Просмотровый зал оказался маленьким, на два десятка кресел в бордовом плюше, и пах пылью и старым линолеумом. Ольга усадила Веру в первый ряд, в самую середину, как почетного гостя. Даже в театре Вера всегда брала крайнее место у прохода, чтобы уйти незаметно, если станет невмоготу. Здесь она села, куда посадили, и пристроила сумку на колени, как щит.

Свет погас, и ролик начался без титров, сразу с выстрела. Рынок девяностых, ларьки с сигаретами и пуховиками, и между рядами бежит Кречет. Играл его Артем Лазарев, про которого Марго говорила, что у него лицо человека, ни разу не открывавшего книгу. Кречет падал, перекатывался и стрелял из-за ящиков с мандаринами. Над ним в замедленной съемке летели мандарины, каждый по отдельности, круглые и оранжевые, как на новогодней открытке. Звук выставили так, что каждый выстрел приходился Вере прямо в грудную клетку. На каждом она вжималась в кресло и злилась на себя: сцену она знала наизусть. Она сама ее написала, только без мандаринов. В книге был снег, пустые ящики из-под водки и тишина после выстрела, которую в ролике заменили музыкой.

Где-то на середине она услышала сзади звук, которого в ролике быть не могло. Короткий сухой треск, похожий на шелест быстро пролистанной книги, повторился, и Вера, не выдержав, обернулась. В последнем ряду, в углу, сидел человек, лица которого в темноте было не разобрать. Зато в свете экрана хорошо были видны руки. В пальцах у него ходила колода карт. Она распадалась надвое, сходилась с тем самым треском, перетекала из ладони в ладонь и снова сходилась. Сам хозяин сидел так неподвижно, что было ясно: на экран он смотрит внимательнее всех в зале. На тыльной стороне кисти, от костяшек к запястью, тянулся белый шрам. В эту руку колода переходила чуть медленнее, чем в другую.

Ролик кончился взрывом и слоганом во весь экран. Зажегся свет, и Ольга, поднявшись, повернулась к последнему ряду.

— Знакомьтесь, это Илья Сергеевич Шатров, подполковник в отставке, — сказала она. — Два года он у нас консультировал, а в этот раз мы доверили ему ставить бои самому, и в титрах у него будет стоять «постановщик трюков».

Человек из последнего ряда встал сразу, одним движением, не опираясь на подлокотники. Спина у него была прямой без всякого усилия, и Вера, выросшая среди таких спин, узнала ее прежде лица. Лицо оказалось обыкновенным и усталым, с короткой стрижкой и сухими складками у рта. Задерживало взгляд только одно: смотрел он мимо людей, на погасший экран, где для него ролик все еще шел.

— Доверили — это громко сказано, — сказал Шатров. — Прежний постановщик ушел на другой проект, а больше под рукой никого не оказалось, так что меня, скорее, нашли, чем выбрали.

Представитель канала, которому ролик явно нравился, спросил, как оценивает их работу профессионал. Спросил он тоном человека, заранее знающего ответ. Шатров ответил не сразу, и колода в его пальцах сошлась и замерла.

— Если коротко, то плохо, — сказал он ровно, без нажима, по-прежнему глядя на экран. — Кречет у вас держит пистолет на вытянутых руках и бежит с ним так, как несут торт на

чужой день рождения: боится уронить и хочет, чтобы все видели. Так держат, когда собираются фотографироваться, а стрелять так не получится, руки у него отвалятся на полпути к мандаринам.

Представитель канала перестал улыбаться, Ольга опустила глаза в телефон, а продюсер зачем-то достал блокнот. Колода снова пошла из руки в руку, теперь медленнее. Фокусом это не было, отметила Вера: он перебирал карты, как четки, чтобы не сказать лишнего.

— Падают у вас тоже неправильно, — продолжил он. — Человек, в которого попали, не делает ничего красивого, ему не до того, он просто перестает делать то, что делал, а ваш каскадер крутит сальто. Про мандарины ничего не скажу, мандарины хорошие.

Под каждым его словом Вера могла бы подписаться, и легче ей от этого не становилось. Кречет в книге не крутил сальто и не кричал. Тишину после выстрела она когда-то услышала в отцовских рассказах и записала как умела. И этот человек, сам того не зная, защищал сейчас ее страницы от ее же экранизации.

— Я читал книги, — сказал Шатров и впервые за весь разговор посмотрел на людей. — Все девять. Из всех, кто сейчас пишет про это, правду пишет только Рокотов, и это видно по каждой странице: по тому, как у него молчат после боя, о чем шутят и кто первым закуривает. Он там был. А ролик снимали люди, которые там не были и знают обо всем из других роликов.

Вера сидела в первом ряду с сумкой на коленях, и уши у нее горели. Так же они горели в девятом классе, когда учительница литературы прочитала вслух ее сочинение, не назвав фамилии. Класс гадал, кто это написал, а Вера смотрела в парту и ждала звонка.

— Поэтому у меня одна просьба, — продолжил Шатров, обращаясь теперь к продюсеру и к представителю канала. — Мне нужен полковник на площадке. Я хочу, чтобы он стоял рядом и говорил мне, где я вру. Ему я в этом деле верю больше, чем себе.

— Вот, слышите, вот это и есть наша кампания, — представитель канала даже привстал с кресла. — Полковник на площадке, рядом с ним боевой офицер, который ставит бои по его книгам, — да это готовый фильм о фильме, мы его еще и снимем и покажем на презентации сезона.

— Полковник не выезжает, — сказала Вера и сама удивилась, что голос у нее нашелся, да еще громче, чем нужно. — Он десять лет никуда не ездит, не дает интервью, кроме письменных, и не фотографируется. Это было условием с самого начала, и я не думаю, что ради ролика он передумает.

Шатров посмотрел на нее — первый раз за все время. Этот взгляд Вера знала, потому что выросла среди людей, которые так смотрели на ящик, забытый посреди плаца. Злости в нем не было, только желание понять, кто забыл этот ящик и когда его уберут.

— А вы, простите, кто такая, чтобы решать за полковника, куда ему ехать? — спросил он.

— Я веду дела полковника Рокотова, — сказала Вера. — Все вопросы к нему идут через меня, и ответы тоже. — Вышло слишком быстро и слишком подробно, как выходило всегда, когда она говорила неправду.

— Значит, представитель, — повторил Шатров, и колода у него в руке на мгновение остановилась. — Представитель чего, позвольте спросить, его фамилии? Сам он, выходит, ни с кем не разговаривает, за него разговариваете вы, решаете тоже вы, и автографы, наверное, раздаете тоже вы.

— Илья Сергеевич, Вера Николаевна десять лет работает с автором, — вмешалась Ольга, не отрываясь от телефона, — и если она говорит, что он не выезжает, значит, будем думать, как с этим жить, а ругаться на первой же встрече мы не будем.

Шатров ничего не ответил. Он кивнул Ольге, сунул колоду в карман куртки и еще раз коротко посмотрел на Веру. Вера сказала, что ей пора и что полковник ждет от нее отчета еще сегодня. Подробность была лишняя, но остановиться она не смогла, пока не дошла до двери. Она уже взялась за ручку, когда продюсер у нее за спиной сказал, что с полковником будет

непросто. Представитель автора, сами видели, стоит насмерть, и, может быть, на первое время хватит письменных консультаций.

— Пусть приедет, — сказал Шатров, ни на кого не глядя. — Я хочу пожать руку единственному человеку, который пишет про нас правду.

Лифт в этом здании ходил так медленно, что на табло можно было прочитать каждый этаж и решить, нравится ли он тебе. Вера нажала кнопку, потом еще раз и еще, хотя знала, что быстрее он от этого не поедет. Руки дрожали, и она спрятала их в карманы плаща: по коридору все время кто-то ходил.

Десять лет ее хвалили в отзывах, в рецензиях и в письмах читателей, которые Марго пересылала ей пачками. Критики, похвалив, всегда добавляли, что женщины у Рокотова бывают только «приз или обуза». Но хвалили всегда на бумаге или на экране, в третьем лице и не ее. Сегодня ее впервые в жизни похвалили вслух, глядя в лицо, и хвалил человек, который знал, о чем говорит. Тот же человек в ту же минуту отодвинул ее взглядом, как ящик, мешающий пройти. Обидно было даже не это. Он сказал «про нас». Эту интонацию Вера слышала с детства, на кухнях, где курили отцовские сослуживцы. Так они говорили только о своих и только о том, что болит.

Он читал ее книги как письма о себе самом. Вера стояла у лифта и перебирала в памяти девять книг, главу за главой. С каждой страницей ей становилось страшнее, потому что она не помнила, какую из них он узнал. А узнал он, судя по голосу, не одну. Этот человек будет ставить бои, будет каждый день на площадке и будет задавать вопросы. Ответов на них у полковника Рокотова нет, как нет и самого Рокотова. Впрочем, полковник не выезжает. Вера сама писала это в каждом интервью, и во всей его легенде это была единственная чистая правда.

Глава 2. Москва. 25–27 сентября

Пост появился в группе Рокотова в начале второго ночи, когда Вера уже тянулась закрыть ноутбук. Группу она по ночам разгребала так, как другие перед сном разбирают почту: сносила рекламу каких-то тепловизоров, отвечала на вопросы и лайкала от имени полковника очередную щуку на вытянутых руках. Чай у ноутбука остыл еще к полуночи и затянулся пленкой. Ник автора она увидела раньше заголовка и обрадовалась, как радуются письму от строгого родственника. «Старшина» писал в группу с первой книги, без единой ошибки и без единого смайлика. Вместо лица у него на аватарке была слегка помятая алюминиевая кружка, какие стояли в каждой казарме ее детства. Когда-то он обмолвился, что служил сам и поэтому читает Рокотова с карандашом в руке. Хвалил он редко и скупо. Под пятой книгой он однажды оставил про сцену в карауле три слова: «Как с меня списано». Эти три слова Вера ставила выше всех рецензий, вместе взятых.

Назывался пост «Разбор. Книга третья», и первые абзацы она читала, улыбаясь. «Старшина» по пунктам перечислял, где полковник попал: как стоят в карауле, как разговаривают с начальством, о чем молчат после боя. Дальше шли поминки в середине книги, где Кречет с товарищами поминает погибшего и третий тост у Рокотова пьют, сдвинув стаканы. Заканчивался пост двумя фразами: «Третий пьют молча и не чокаются, человек оттуда этого не перепутает никогда. Выводы делайте сами: полковник не служил».

Пальцы у Веры заледенели, и она сунула их под мышки, как в детстве на остановке гарнизонного автобуса. Потом встала, налила воды из-под крана, выпила стоя и долго смотрела в черное окно, где отражалась она сама, с ноутбуком на столе за спиной. Поминки она писала с отцовских слов, а про третий тост отец рассказывал так, что она запомнила раз и навсегда: молча, стоя, стакан держат перед собой и ни с кем его не сводят. Ошибиться она не могла, значит, ошибся кто-то другой.

Вера открыла папку с рукописями и нашла третью книгу — тот самый первый вариант, который отправила в издательство почти десять лет назад. Поиск по слову «третий» вывел на нужную страницу сразу. У нее было написано: «Третий выпили не чокаясь». В вышедшей книге частица «не» исчезла. Тогдашний редактор серии, человек аккуратный и ни дня не служивший, принял ее за опечатку и вычеркнул. Вера вычитывала верстку ночью, за двое суток до сдачи, и пропустила одно слово из двух.

Под постом за полчаса набралось двадцать комментариев. Кто-то писал, что его тоже тогда резануло, но он решил, что ему показалось. Кто-то защищал полковника и ругал «диванных экспертов». Третий спрашивал, видел ли вообще кто-нибудь этого Рокотова живьем, хоть раз, хоть на фотографии.

Вера начала отвечать от имени полковника. «Ошибка не моя, в рукописи было иначе», — набрала она и остановилась. Ответы на такой ответ она видела заранее, как корректор видит, куда поползет строка после правки. Покажите рукопись. Почему не заметили сами, товарищ полковник? А кто вас правит, если вы там были? Чтобы доказать свою правоту, нужна была рукопись. Рукопись лежала в ее ноутбуке, в ее папке, и в свойствах файла автором значилась «Котова В. Н.». Вера стерла ответ по букве, как стирают написанное слово на заборе, пока его не увидели.

До четырех она сидела над группой и следила за репостами. Цифры росли быстрее, чем она успевала обновлять страницу. Среди этих людей вполне мог оказаться и Шатров, прочитавший все девять книг. Если он еще не видел пост, то увидит утром. И вспомнит, кто на просмотре так уверенно говорил, что полковник никуда не выезжает. В одном из пабликов к посту приписали подпись, и к утру ее повторяли уже везде: «Рокотова не существует».

Письмо пришло во вторник в одиннадцать, сразу от двух отправителей — от канала «Рубеж» и от «Дубля». Марго переслала его через минуту и приписала:

Читай медленно. Я позвоню через десять минут, не бросай трубку.

Письмо было вежливое и короткое, как всякое письмо, в котором все уже решили без тебя. Канал выражал озабоченность «ситуацией в публичном поле», и Вера машинально отметила канцелярит. Дальше шло требование исполнить сентябрьское дополнение к договору. Съемочная экспедиция начиналась второго октября и длилась шесть недель; канал теперь требовал личного присутствия автора на площадке в качестве консультанта. В последнюю неделю его хотели снять в фильме о создании сериала, а в декабре вывести на презентацию сезона. При отказе канал угрожал расторжением и возвратом аванса: пункт о рекламном участии оставлял для такого спора достаточно места. Отдельным абзацем канал сообщал, что требование присутствия автора на площадке внесено в протокол «по предложению постановщика трюков И. С. Шатрова». На этой строчке Вера споткнулась. Шатров сказал это вслух, ни на кого не глядя. Кто-то за столом записал.

Вера сидела на кухне, в своей первой в жизни квартире, где никто не мог приказать ей собрать вещи за сутки. Однокомнатная, на окраине, с видом на гаражи и школьный стадион, она была куплена в кредит семь лет назад и обставлена по одной вещи в год. В гарнизонах, где Вера выросла, квартиры давали и отбирали вместе с назначением, и мебель у них была казенная, с инвентарными номерами на задней стенке. Здесь номеров не было ни на чем. Она взяла лист из принтера и посчитала в столбик то, что можно было посчитать. Деньги за права ушли в банк в прошлую среду, и справка о закрытии ипотеки висела теперь на холодильнике под магнитом из Мурманска. Гонорар за девятую книгу придет только весной. На счете оставалось столько, сколько остается у человека, который неделю назад отдал банку все. Столбик сошелся быстро и без вариантов. Под чертой Вера написала одно слово, «квартира», и подчеркнула его так, что ручка прорвала бумагу второй раз за две недели.

Марго позвонила через десять минут, как обещала.

— Ты сидишь? — спросила она без приветствия. — Если нет, сядь, и чтобы рядом не было ничего бьющегося.

— Я лежу, если честно, — сказала Вера. — Я до четырех смотрела, как этот пост расходится, и уснула только под утро, так что бить мне нечего, кроме себя.

— Тогда слушай лежа. Пост твоего «Старшины» уже на трех новостных сайтах, а на четвертом под ним опрос, существует ли Рокотов. Шестьдесят процентов уверены, что нет, и я бы на их месте тоже сомневалась.

— Может, переждать? — Вера села на кровати. — Через неделю про это забудут, у них каждый день новый скандал, а мы ничего не ответим и будем выглядеть достойно.

— Через неделю у них старт съемок, Вера, а у тебя ультиматум и пустой счет. Приезжай ко мне, будем думать вдвоем.

Кабинет Марго был заставлен рукописями так плотно, что гостю оставался один стул у окна. На стене висел плакат девятой книги: мужской силуэт в плаще на фоне горящего ларька. Лица у силуэта не было, и сейчас Вере это показалось очень предусмотрительным. Марго, сорока восьми лет, в черном свитере и с очками на макушке, достала из шкафа договор и раскрыла его на закладке.

— Пункт четыре, — сказала Марго. — Издательству передано право выпускать и рекламировать серию под именем «Глеб Рокотов». И там отдельная строка: ты согласовала легенду о полковнике как часть рекламной кампании. Если завтра объявишь, что Рокотов — это ты, издательство потребует неустойку за срыв этой кампании.

— А Кречет? — спросила Вера.

— На уже вышедшие книги у них исключительная лицензия, на новые — преимущественное право договариваться первыми. Они могут заморозить допечатки, сорвать десятую и годами спорить об условиях. Кречета у тебя из головы не заберут, но на полку без них он может не попасть.

— Это был не мой тост, — сказала Вера громче, чем собиралась. — У меня было «не чокаясь», я нашла рукопись. Ваш редактор вычеркнул «не», потому что решил, что я опечаталась, а я десять лет об этом не знала.

— Я знаю, что тост не твой, я его тоже нашла, еще утром, — Марго сняла очки с макушки и повертела в пальцах. — Для читателей доказательство одно: показать твой исходник с настоящим именем. Тост будет спасен, а полковник умрет. По бумагам ты останешься автором, но нам придется заново договариваться со всеми. Выбирай, что тебе дороже.

Вера не выбирала. Она смотрела на силуэт без лица и вспоминала другое письмо, две тысячи седьмого года. Тогда она почти год рассылала первый роман по издательствам под своим именем и не получила ни одного живого ответа: на самотек давно никто не отвечал, а если отвечали, то одной и той же вежливой формой, где менялось только название романа. Живой ответ пришел один, и то по протекции: однокурсница передала рукопись знакомому редактору. Через месяц он прислал Вере письмо, короткое и снисходительное, а в нем фразу, которую она помнила дословно: «Женщины такое не пишут, а если пишут, мужчины такое не покупают». Синопсис он переслал в соседний отдел — Марго, тогда еще просто редактору. Та ответила одной строкой: «Под женским именем мужик это не купит. Под мужским — возьму». Вера согласилась на время, пока не найдется другое решение. Время тянулось десятый год.

Марго, видимо, догадалась, о чем она думает, и заговорила мягче, насколько вообще умела.

— Это не ты одна такая, если тебе от этого легче, — сказала она. — Роулинг вон тоже взяла себе отставного военного полицейского, Роберта Гэлбрейта, а когда ее юристы проболтались, его стали покупать еще охотнее. Так что не все потеряно, просто у нас с тобой нет ее юристов, а есть только наш, который боится собственной тени.

— Зато у нас есть Ро-котов, — сказала Вера. — Я все ждала, когда кто-нибудь заметит.

— Я тоже ждала, на второй книге, — Марго усмехнулась. — Ро-котов из Котовой, проще некуда. Десять лет, девять книг, тысячи писем от читателей, и ни один не догадался. Люди видят то, что им продали, Вера, а им продали полковника.

Она встала, подошла к окну и долго смотрела во двор, где грузчики носили пачки книг в чужой фургон. Потом повернулась, и по ее лицу было видно, что решение принято и обсуждаться не будет.

— Мне нужен полковник, — сказала Вера, опередив Марго, которая уже открыла рот. — Такой, которого можно поставить в кадр и который будет молчать.

— Найми. В Москве сорок тысяч актеров, — ответила Марго. — Нам нужен человек за пятьдесят, с выправкой, который умеет молчать и не умеет обижаться. Молчать ему придется много: говорить за него будешь ты. Кастинг завтра, в среду, зал я сниму, люди будут.

Зал для кастинга Марго сняла в «Кросс-фото» на улице Правды, в стиле «милитари»: стены завешены маскировочной сеткой, пластиковый «окоп», развешенная камуфляжная одежда, какой-то металлолом, издали напоминающий оружие. Пахло средством для мытья пола и старой тканью. Марго сидела за столом с блокнотом и бутылкой воды, Вера рядом, с распечаткой первых глав. Знакомая Марго из актерского агентства прислала пятерых. Объяснили им только одно: нужен актер на долгую конфиденциальную работу, роль писателя-военного на публике.

Первый кандидат оказался слишком молодым. Ему было лет тридцать, виски он покрасил под седину, и краска на правом виске легла гуще, чем на левом. Он вошел строевым шагом и

представился «полковником», чем сразу насмешил Марго. Вторым пришел человек театральный, с голосом, который был слышен, наверное, на улице. Он попросил разрешения прочесть монолог, достал девятую книгу и прочитал прощание Кречета с городом так, что на последней фразе у него дрогнул подбородок. Вера впервые слышала свой текст со слезами, и второй раз ей этого не хотелось.

Третьим оказался настоящий майор в отставке, крепкий, неулыбчивый, с хорошей стрижкой. Он выслушал условия, не перебивая, и спросил только одно.

— Книги, я так понимаю, пишет кто-то другой, — сказал он спокойно, как человек, который знает цену тому, что увидел. — Тогда скажите сразу, какой процент с продаж положен лицу. В таком деле лицо стоит дороже текста, это вам любой юрист скажет.

Марго поблагодарила его очень любезно, и Вера заметила, что под столом она записала его фамилию и подчеркнула двумя чертами.

Четвертый не пришел.

Пятым был Стас Кулешов, сорок шесть лет. Он вошел без стука и извинился за опоздание: в метро задумался и проехал свою станцию. Седина у него была ранняя и своя, густая, как у человека, который поседел лет в тридцать от чего-то, о чем не рассказывает. Марго заглянула в анкету и сказала, что у него, судя по всему, богатый опыт.

— Двадцать лет в профессии, — подтвердил Стас и широко улыбнулся. — Из них лет пятнадцать я лежу. Я играл ментов, следователей, участковых, один раз даже генерала, но генерал был мертвый, в первой же сцене. Если вам нужен труп, то я по трупам лучший в Москве, это вам любой второй режиссер скажет.

Прежде чем они успели ответить, он лег на пол посреди зала, раскинул руки и затих. Лежал он и правда хорошо. Грудь у него не поднималась, пальцы не шевелились, и Вера невольно задержала дыхание вместе с ним. Через полминуты Марго кашлянула. Стас открыл один глаз.

— Это я так, для разгона, чтобы вы сразу видели товар лицом, — сказал он и поднялся, отряхивая колени. — А полковника я вам тоже сыграю. Полковник — это ведь тот же труп, только стоя и с наградами, как у нас на съемках говорили.

Вера рассмеялась, впервые за два дня. Потом она посмотрела на Стаса так, как смотрел бы на него Шатров. Вот он входит в вагончик, вот берет книгу с автографом, вот отвечает на вопрос, которого не ждал. Шатров будет разглядывать его долго и без жалости, как ролик в просмотровом зале. Молодой с крашеными висками сломался бы на первой минуте, театральный заплакал бы на второй. Майор начал бы торговаться.

— Можно я на вас просто посмотрю? — спросила Вера. — Молча, минуту, а вы постарайтесь не отводить глаза и ничего не играть.

Стас пожал плечами и встал перед ней. Вера смотрела на него так, как смотрел Шатров с последнего ряда, сухо и без интереса к ответу. Стас выдержал. Он не улыбался, не хмурился и не делал значительного лица, просто стоял и смотрел в ответ, как человек, которого столько раз разглядывали на кастингах, что взгляд перестал его задевать. Этот выдержит, поняла Вера: ему всю жизнь было нечего терять и он к этому привык.

— Он, — сказала она Марго, и Марго кивнула так, будто ждала именно этого.

Условия Марго изложила быстро: деньги помесячно, договор о неразглашении, интервью только письменные, никакой самодеятельности. Стас слушал, кивал и задал единственный вопрос.

— А фамилию мою где-нибудь напишут? — спросил он. — В титрах, в буклете, хоть мелко, хоть в самом конце, после осветителей?

— Нигде, — сказала Марго. — В этом вся работа, Станислав. Вы будете самым известным человеком, о котором никто не узнает.

Стас помолчал, потом сказал, что ему не привыкать, и Вера отметила, как быстро он спрятал разочарование за улыбкой. Так прячут неудачный дубль, пока режиссер не увидел. Китель из костюмерного проката Марго привезла с собой, в чехле, на всякий случай. Гримерша из того же агентства за двадцать минут сделала Стасу морщины у глаз, подчеркнула седину и чуть подсушила лицо. Когда Стас вышел из-за ширмы, Вера не сразу его узнала. Перед ней стоял полковник за пятьдесят, сухой, усталый, с тяжелым взглядом. Такой мог служить там, где не рассказывают, и десять лет жить отшельником под Псковом. Он молчал, и молчание ему шло. Нанятый фотограф сделал серию снимков.

Вера достала распечатку и начала объяснять легенду. Полковник Глеб Рокотов не дает интервью, кроме письменных. Он живет под Псковом и не любит, когда его спрашивают о службе. Остальное Стасу предстояло выучить, а для этого нужна была биография. Вера знала, откуда ее взять. Гарнизон на Кольском, котельная, кухня с прокуренным потолком, отцовские сослуживцы и их истории за полночь. Все это она слышала с детства и десять лет раздавала Кречету по одной истории на главу. Теперь отцовская кухня понадобилась живому человеку в кителе, и Вера открыла блокнот на чистой странице.

Стас застегнул китель, поправил седину перед зеркалом и обернулся.

— Ну что, товарищ резидент, пишите мне легенду.

Глава 3. Москва — Тверская область. 2–3 октября

Минивэн «Дубля» забрал их у метро в семь утра. Стас сел впереди, рядом с водителем, в штатской куртке, которую Марго купила ему на рынке «под отставника». Всю дорогу до Твери он повторял легенду вполголоса, закрыв глаза и шевеля губами, по старой актерской привычке. Вера сидела сзади с сумкой на коленях и поправляла его, когда он сбивался.

— Родился на Кольском, в семье военного, — бормотал Стас. — Детство по гарнизонам, котельная, кухня, отец курит в форточку. Потом училище и служба, о которой я не рассказываю. Слушайте, а почему я о ней не рассказываю? Это же самое интересное, люди будут спрашивать.

— Потому что там, где вы служили, не рассказывают, — сказала Вера. — Это ваша главная фраза, Станислав, и чем реже вы будете ее произносить, тем лучше она будет работать.

— «Там, где не рассказывают», — повторил Стас, пробуя интонацию на вкус. — Хорошо. Как у нас на «Улицах разбитых фонарей» говорили, меньше слов, больше седины.

Потом он долго молчал, глядя в окно на мокрые поля, и Вера уже решила, что легенда выучена. Но под Клином Стас обернулся.

— А этот ваш подполковник, который всех построил на просмотре, он какой? — спросил он. — Мне надо знать, кого я играю против, это как партнер по сцене, без партнера не сыграешь.

— Он прочитал все девять книг, — сказала Вера. — Он помнит, кто из героев что пьет и кто где вырос. Он смотрит долго и ничего не говорит, а потом говорит одну фразу, и после нее хочется уйти из комнаты.

— Ничего, — сказал Стас, но голос у него стал на полтона ниже. — Я двадцать лет лежал в кадре рядом с такими, они меня ни разу не подняли.

За Тверью дорога пошла лесом, и Вера задремала под шорох дворников. Проснулась она оттого, что минивэн запрыгал по бетонным плитам. Такие плиты она узнала бы с закрытыми глазами: их клали во всех гарнизонах ее детства, и стыки не выравнивали. Городок открылся за поворотом, за ржавым забором с воротами, на которых еще держалась облупленная звезда.

Белая казарма, котельная с высокой трубой, три панельные пятиэтажки с пустыми окнами. Художники «Дубля» работали здесь вторую неделю. На пятиэтажках висели вывески девяностых, у подъездов стояли ларьки с решетками, на казарме свежей краской вывели старый трафарет «Береги честь смолоду». Вера вышла из машины и остановилась. Пахло мокрым бетоном, угольной пылью и прелыми листьями. Точно так же пахло во дворе ее детства на Кольском, только там к этому примешивалось море.

Котельная была та самая. Ну, не та, конечно, но такая же, кирпичная, с железной дверью и лавкой у входа, где кочегары курили в любую погоду. За такой котельной Вера в восемь лет пряталась с книжкой, пока отец строил во дворе своих лейтенантов. Она ходила по своему детству взрослой и чужой, а детство делало вид, что ее не знает. Стас догнал ее у казармы, задрал голову на трафарет и сказал, что место атмосферное. Вера согласилась и пошла обратно к машине, пока он не заметил, что у нее дрожит подбородок. У подъезда ближней пятиэтажки художники развесили на веревке чужое белье для кадра: детские колготки, тельняшку, клетчатую рубашку. На Кольском белье тоже сушили во дворе, и зимой оно замерзало колом, и маленькая Вера стучала по отцовской рубашке, как по фанере. Эту рубашку она потом отдала Кречету, в четвертой книге, вместе со стуком.

Гостиница в райцентре стояла на площади, напротив автостанции и бюста неизвестного Вере героя. Номер полковника «Дубль» оформил заранее, и Стасу оставалось только взять ключ. Вере администратор выдала журнал регистрации и заодно ведомость суточных. В графе

«должность» Вера написала «помощник автора», в графе «подпись» вывела «Котова В. Н.» и вернула ручку, не задумавшись.

Номер оказался узким, с продавленной кроватью, электрическим чайником и видом на автостанцию, откуда каждый час уходил автобус на Тверь. Вера поставила ноутбук на тумбочку, подключила к розетке второй телефон и долго смотрела на него. Номер этого телефона знали двое, она и Марго.

Первый съемочный день начался в шесть утра с тумана, который лежал между пятиэтажками, как вата в коробке с елочными игрушками. Площадку огородили лентой. Ольга Дымова бегала вдоль ленты с рацией в руке, гримеры гонялись за Артемом Лазаревым, а пиротехники возились у котельной с проводами. Репетировали проход Кречета через двор с подрывом у стены. Шатрова Вера увидела издалека: он стоял у монитора в той же темной куртке, что и в Москве, и что-то показывал каскадерам ладонью. Каскадеры слушали его молча и кивали, и по тому, как они кивали, было видно, что спорить с ним здесь не принято. Ольга, пробегая мимо, кивнула Вере и бросила через плечо, что помощнице полковника лучше держаться за лентой, там безопаснее и кофе ближе. Вера пообещала и честно постояла за лентой минут двадцать. Потом туман над котельной начал подниматься, и стала видна труба.

Ее никто не ждал, и она пошла смотреть котельную. Дверь была заперта на висячий замок, но окно рядом с ней оказалось без стекла. Вера заглянула внутрь, увидела ржавые котлы и груду угля, совсем как тогда, и отступила на шаг, чтобы разглядеть трубу. Потом еще на шаг. Она не заметила ни белой разметки на земле, ни того, что голоса за лентой стихли.

— Мотор! — крикнул кто-то, и почти сразу у стены хлопнуло.

Тело сработало без нее. Вера нырнула за ящики, сложенные у стены, и упала в грязь лицом вниз, выставив вперед руки. Грязь была холодная и густая, по локти, и сразу проступила сквозь джинсы на коленях. В ушах звенело. Сверху сыпалась мелкая кирпичная крошка, и где-то очень далеко Ольга кричала в рацию: «Стоп, стоп, у нас человек в кадре!»

Потом ее взяли за шиворот и вытащили из-за ящиков одним движением, как вытаскивают котенка из-под дивана. Воротник куртки врезался в горло. Выбора ей не оставили: Вера встала на ноги и оказалась лицом к лицу с Шатровым. Руку от ее воротника он убрал не сразу, и она успела почувствовать шрам на его кисти у самой своей шеи.

— Вы стояли на разметке, в двух метрах от заряда, — сказал он, не повышая голоса, и от этого его слышала вся площадка. — Здесь не музей и не экскурсия по местам боевой славы. Здесь взрывы, и заряду все равно, представитель вы автора или нет.

— Я не видела разметки, — сказала Вера и попыталась стряхнуть грязь с рукавов, но только размазала ее. — Я смотрела на котельную, потому что я выросла в точно таком же городке, там была точно такая же котельная, и я просто...

Она остановилась. Помощнице полковника незачем было рассказывать, где она выросла, особенно этому человеку, который прочитал все девять книг и помнил, где рос Кречет.

— Просто засмотрелись, — закончил за нее Шатров. — В следующий раз засматривайтесь из-за ленты, вон оттуда, где стоят все нормальные люди. Полковник ваш приехал, или вы опять за него?

— Полковник приехал вчера, — сказала Вера, глядя ему в подбородок: выше смотреть не получалось. — Он отдыхает после дороги и выйдет к обеду, если позволит самочувствие.

Шатров посмотрел на нее еще раз, сверху вниз, от грязных колен до лица, и пошел, только не к монитору. Он присел у стены котельной, рядом с пиротехником, и стал смотреть провода, которые вели к заряду. Пиротехник, пожилой и флегматичный, что-то ему объяснял и показывал на стену. Шатров слушал, кивал и проверял каждый провод. Вера стояла в грязи и смотрела ему в спину. Человек, который только что отчитал ее при всей группе, проверял теперь,

что ей не грозило ничего страшнее грязи. Артем Лазарев в кожаной куртке Кречета уже стоял рядом и, вытянув руку с телефоном, делал селфи на ее фоне.

— Это для истории, — объяснил он с обаятельной улыбкой человека, которого с детства все прощали. — Первый съемочный день, первая жертва. Не обижайтесь, вы очень фотогеничны в грязи.

Вера пошла к вагончику гримеров отмываться. Гримерша, девочка лет двадцати с кольцом в брови, выдала ей полотенце и чью-то толстовку из костюмерной с надписью «Динамо» на груди. Вера оттирала грязь с локтей и думала о том, что тело опять сработало без нее, так же, как в переговорной, только теперь при сорока свидетелях. В ее книгах Кречет ни разу не вздрогнул от выстрела. Он слышал выстрел, поворачивал голову и действовал, и читатели писали, что это и есть настоящая выдержка. Его автор при первом хлопке лежала в грязи лицом вниз. Гримерша сказала, что у нее на щеке осталась полоска, и Вера стерла ее, не глядя в зеркало. По дороге она дважды трогала шею под воротником, там, где он держал. Шрам на его руке оказался на ощупь шершавым, как необработанный край бумаги. Она знала это наверняка, хотя прикасалась к нему меньше секунды, и злилась на себя, что знает.

Полковник вышел к обеду, как и было обещано. Стас надел темный свитер под горло, зачесал седину назад и шел через площадку медленно, с прямой спиной, глядя поверх голов. Вера шла на полшага сзади, с папкой, и чувствовала, как на них оборачиваются. Ольга бросила рацию гримеру и пошла навстречу с протянутой рукой. Представитель «Рубежа», приехавший на первый день, сфотографировал их на телефон. Полковник Рокотов ступил на землю своей экранизации, и у Веры от этого зрелища заныли зубы.

Шатров пришел в производственный вагончик через полчаса, когда полковника усадили пить чай. В руках у него была книга, и Вера узнала обложку раньше, чем он ее положил на стол. Третья книга серии, первое издание, с затертыми углами. Шатров открыл ее на титульном листе. Там, чуть наискосок, стоял ее собственный росчерк: «Г. Рокотов» и звездочка на конце, которой она подписывала автографы для издательства десять лет.

— Вы мне подписывали через издательство два года назад, товарищ полковник, — сказал Шатров. — Я тогда написал, что прошу без посвящения, и вы так и сделали. Я хотел сказать спасибо лично, раз уж такой случай.

Вера помнила то письмо. Короткое, без единой ошибки, с подписью «подполковник в отставке И. Шатров» и просьбой обойтись без посвящения, «потому что посвящать мне нечего». Она подписала эту книгу ночью, на кухне, и запомнила фразу. Теперь эта книга лежала на столе вагончика, и человек, который ее прислал, стоял навытяжку перед актером в свитере.

Первый час был лучшим часом в жизни Стаса. Шатров держался с ним как младший с очень старшим, почти мальчишкой: спрашивал разрешения сесть, не перебивал, называл «товарищ полковник» в каждой второй фразе. Стас кивал, хмурился и молчал, и молчание ему по-прежнему шло. Вера отвечала на вопросы за него, ссылаясь на его письменные заметки. Все шло хорошо, пока Шатров не достал из сумки пистолет из реквизита.

— Товарищ полковник, посмотрите, — сказал он и протянул пистолет рукоятью вперед. — У нас Кречет на рынке держит его на вытянутых, как будто тянется к витрине. Покажите, как держали бы вы, я так и поставлю.

Стас взял пистолет двумя пальцами, как берут мокрый зонт, стряхивая с него воду. Потом подумал и перехватил его всей ладонью, но так бережно, что пистолет, казалось, вот-вот раскроется. Шатров посмотрел на его руку. Потом на лицо. Вера видела, как в нем что-то переставилось, тихо, без единого лишнего движения.

— Вы в каком училище учились, товарищ полковник? — спросил Шатров ровным, будничным голосом.

— Училище — это место, где из тебя вынимают мальчика и вставляют присягу, — с достоинством ответил Стас.

Вера узнала фразу. Это была ее фраза, из девятой книги, из сцены, где Кречет учит молодого лейтенанта. Шатров ее тоже узнал.

— Это из девятой книги, — сказал он ровно. — Я спрашивал про вас.

Вера заговорила, пока молчание в вагончике не затвердело. Она сказала, что полковник после контузии и ему трудно говорить долго, что слова у него теряются, а цитаты держатся. Полковник почти не говорит вслух, он общается письменно, через нее, и так было всегда. Подробности сыпались из нее одна за другой, складные и лишние. Стас подхватил на лету и стал дергать щекой, сначала умеренно, потом с размахом, как играл бы контуженного в сериале про ментов.

— Пишите ему, — сказала Вера и вырвала листок из папки. — Он отвечает всегда, иногда ночью, у него бессонница, но всегда отвечает, и пишет он гораздо лучше, чем говорит.

Она написала номер второго телефона, который Марго купила для полковника неделю назад. Шатров сложил листок пополам и убрал в нагрудный карман. Стас тем временем показывал жестами что-то сложное, указывая то на книгу, то на окно.

— Полковник говорит, что рад знакомству, — перевела Вера, — и что сцена на рынке у вас получится, если Кречет будет держать оружие так, как вы считаете нужным.

Стас энергично закивал и дернул щекой.

— Тогда последний вопрос, по гаражу, — сказал Шатров. — Если Кречет заходит в гараж первым, он идет вдоль стены или посередине? Напишите, товарищ полковник, раз вам так удобнее, я подожду.

Он пододвинул к Стасу блокнот и ручку. Стас взял ручку, подумал, написал одно слово крупными буквами и показал Вере, прикрыв ладонью от Шатрова. На листке стояло «согласен». Вера взяла блокнот и прочитала вслух, что Кречет идет вдоль стены, потому что посередине гаража стоит машина, а за машиной всегда кто-нибудь стоит, и что полковник просит не делать из этого перестрелку раньше времени.

Шатров выслушал, ничего не переспросил, забрал свою книгу со стола и вышел, не попрощавшись.

Вечером группа ужинала под навесом у кейтеринга. Над столами горели лампы на проводе, вокруг них кружила последняя осенняя мошкара, и от полевой кухни пахло гречкой и дымом. Стас сидел во главе длинного стола, как и положено полковнику, и ел молча, с прямой спиной. Вера сидела рядом и подавала ему хлеб, когда он поводил бровью. Артем через стол рассказывал гримерам, сколько лайков собрало его утреннее селфи.

Шатров сел напротив полковника с тарелкой и стаканом чая. Ел он быстро, по-военному, и ни разу за весь ужин не взглянул на Веру прямо. Она это заметила, сама весь ужин старалась на него не смотреть. Колода лежала рядом с его тарелкой, и он время от времени касался ее пальцами, не беря в руки.

Ольга встала со стаканом чая и сказала короткий тост за первый день: за то, что никто не пострадал, «кроме одной куртки». Все посмотрели на Веру и засмеялись. Она засмеялась тоже: за день успела к этому привыкнуть. Артем рассказал, что его Кречет будет немного мягче книжного, потому что зрителю нужно кого-то любить. Вера промолчала, хотя Кречет был ее, и мягким она его не делала ни разу. Стас после второго стакана чая расправил плечи. Он оглядел стол взглядом человека, которого наконец-то слушают, и откашлялся.

— Был у нас на Кольском один случай, — начал он густым полковничьим голосом. — Зима, полярная ночь, мы с ребятами...

Вера наступила ему на ногу под столом, всем весом, каблуком. Стас закашлялся, побагровел и махнул рукой, показывая, что слова кончились. Ольга сочувственно подала ему воды. Шатров поднял глаза от тарелки, посмотрел на Стаса и опустил глаза обратно.

— Давно у полковника контузия? — спросил вдруг Шатров через стол, впервые обращаясь к ней.

— Давно, — сказала Вера. — Он не любит об этом говорить, и я стараюсь не спрашивать: после таких вопросов у него болит голова до утра.

— Правильно делаете, о таком не спрашивают, — сказал Шатров и вернулся к своей тарелке.

Ольга спросила его, как прошел первый день. Шатров ответил, что день прошел нормально, если не считать человека в кадре, и все засмеялись, кроме Веры. Потом кто-то из каскадеров вспомнил прошлый проект, где у них был консультант, «бывший спецназовец», который рассказывал байки за каждым ужином.

— Он полгода рассказывал, — сказал Шатров, и за столом стихло, потому что говорил он редко. — А служил писарем в штабе округа и прыгал только со второй полки в поезде.

— Сурово, — сказал Артем и засмеялся, оглядываясь, смеются ли остальные. — Человек, может, просто хотел, чтобы его любили.

— Пусть бы любили за что-нибудь другое, — ответил Шатров. — Я человек простой, товарищ полковник, и люблю, когда со мной прямо. Скажут, что не умеют, я научу. Скажут, что боятся, я пойму и поставлю так, чтобы было не страшно.

Он помолчал и положил ладонь на колоду. Лампа над столом качнулась от ветра, и тень от его руки прошла по скатерти к Вериной тарелке и обратно. Вера держала вилку и не могла вспомнить, зачем ее взяла. Мошкара билась о лампу. Где-то за котельной пиротехники проверяли заряд на завтра, и короткий хлопок прокатился по пустым пятиэтажкам. Вера вздрогнула, и Шатров это видел.

— Я не прощаю вранья, — сказал он Стасу, а смотрел на нее. — Никому.

Щека у Стаса дернулась, и на этот раз он не играл.

Глава 4. Тверская область. 4–5 октября

Ольга ворвалась в производственный вагончик в половине шестого вечера, с телефоном в одной руке и стопкой листов сценария в другой. Вера сидела в углу над вызывным листом на завтра и сверяла, в какой сцене Кречет должен быть небритым. Стас дремал на откидной койке, сложив руки на груди, как его научили двадцать лет назад, только на этот раз его никто не снимал.

— Канал посмотрел первый материал, — сказала Ольга, бросая распечатки на стол. — Им нравится, но им мало. Рынок и гараж надо переписать к утру, обе сцены, канал хочет зрелищнее, а завтра в одиннадцать мы их снимаем. Я понимаю, что это свинство, и я сама свинья, но у меня нет второго варианта.

Стас открыл глаза и сел, мгновенно превратившись в полковника. Ольга повернулась к нему.

— Товарищ полковник, вся надежда на вас, — сказала она. — Официально консультируете вы, ставить будет Шатров, а печатать, я так понимаю, помощница. Сядете втроем, к утру будет текст. Шатров придет через час, я ему уже сказала.

Вера открыла рот и закрыла. Втроем не получалось никак. Стас мог промолчать минуту, мог десять, но не ночь напролет рядом с человеком, который спрашивал, в каком училище он учился. Вера сказала, что у полковника режим, после контузии ему надо спать не меньше восьми часов. Он оставил ей свои заметки по обеим сценам, и она будет сверяться с ними и печатать. Если возникнут вопросы, она утром передаст. Ольга кивнула не слушая, сказала «отлично» и умчалась к следующему пожару.

Стас натянул куртку, но у двери задержался.

— А если он меня утром спросит, что я там понаписал в этих заметках? — спросил он шепотом, хотя в вагончике никого не было. — Я же должен знать свой текст, я так не могу, это непрофессионально.

— Утром я вам все расскажу за завтраком, — сказала Вера. — Вы кивнете, покажете, что рады помочь, а потом я скажу, что у вас болит голова. И никаких рассказов про службу, Станислав, даже самых красивых.

Стас ушел в гостиницу с видом человека, которого отпустили с уроков. Вера осталась одна в вагончике, который пах сырой фанерой и растворимым кофе. На столе стояли ноутбук, электрический чайник и лампа на гибкой ножке. В углу гудел масляный обогреватель, и от него пахло пыльным железом. Она открыла файл с рынком и вдруг сообразила простую вещь. Выдать себя можно было не только словом. Она знала, где должна стоять каждая реплика, прежде чем Шатров успевал ее произнести. Помощница может быстро печатать и хорошо править текст; нельзя лишь показывать, что сцену она сочиняет сама. Вера раскрыла чужие, будто бы полковничьи, заметки и положила их возле клавиатуры, чтобы было на что ссылаться.

Шатров пришел ровно через час. Он постучал, хотя дверь была открыта, вошел, пригнув голову под низкой притолокой, и огляделся. Взгляд его прошел по вагончику и задержался на каждой вещи по очереди: дверь, окно, обогреватель, ее папка. Потом он снял куртку, повесил ее на спинку стула и сел напротив Веры, через стол.

— Полковнику никто не пишет? — спросил он.

Вера нахмурилась.

— Полковник спит, — буркнула она. — Он оставил мне заметки, я буду сверяться с ними и печатать, а вы будете рассказывать, как это ставить. Если вам что-то не понравится в его заметках, говорите, я передам.

Начали с рынка. Ольга хотела, чтобы зрелищнее, и Вера предложила добавить погоню между рядами. Шатров покачал головой и стал объяснять, как на самом деле идет стрельба в тесноте. Объяснял он руками. Ладонь шла по воздуху, показывая, где ряд, где ларек, где человек, плечо поворачивалось, пальцы сжимались и разжимались. Вера смотрела на эти руки и не могла напечатать ни слова.

— Вы опять показываете руками, — сказала она наконец и сняла пальцы с клавиатуры, чтобы он видел, что она не печатает. — Я не могу вставить в сценарий этот жест. У Кречета на странице нет рук, у него есть только то, что он говорит, и то, что про него написано.

Шатров посмотрел на свою ладонь, застывшую в воздухе, и убрал ее в карман куртки, висевшей на спинке стула. Так убирают инструмент, который подвел.

— Да не падают они так, как у вас в сцене, с криком и с разворотом, чтобы камере было удобно, — сказал он. — Человек просто садится. Как будто вспомнил, что забыл что-то дома, и решил подождать здесь. А все вокруг еще пару секунд продолжают делать свое, до них еще не дошло.

Вера напечатала это почти слово в слово, стерла неудачный эпитет и поправила глагол. Она поймала себя на том, что хочет спросить, откуда Шатров знает про эти две секунды. Спрашивать было нельзя: помощница полковника про такое не спрашивает, она набирает.

— А потом? — спросила она, не поднимая глаз от экрана. — Что делают остальные, когда поняли? У полковника Кречет закуривает, но мне всегда казалось, что это курение для читателя, а не для него.

— Вам казалось.

Он сказал это без вопроса, и Вера быстро, слишком быстро, добавила, что имела в виду мнение полковника. Полковник однажды ей это излагал, а она запомнила.

— Потом шутят, — сказал Шатров, помолчав, и достал из кармана колоду. — Глупо шутят, про еду, про чью-нибудь тещу, и смеются громче, чем надо. Курят тоже, но это не главное. Главное, что никто не смотрит на того, кто сел.

Он начал тасовать колоду, перебрасывая части из одной руки в другую. Вера печатала и думала, что за десять лет ни один читатель не написал ей ничего подобного. Читатели писали «как с меня списано», писали «мужик служил». Этот человек говорил то, чего в ее книгах еще не было, и это было лучше, чем у нее.

К полуночи они переписали рынок. По крыше вагончика пошел дождь, сначала редкий, потом сплошной, и в вагончике стало тесно от его шума. Шатров встал, налил себе воды из чайника, который давно остыл, и выпил стоя. Вера заварила себе чай из термоса, бросила в кружку ломтик лимона и обхватила кружку ладонями. Пальцы у нее затекли от многочасовой работы.

— Кофе там есть, растворимый, — сказал Шатров, кивнув на банку на полке. — Вам сделать? До утра без кофе тяжело.

— Я не пью кофе, — сказала Вера. — Только чай, и только с лимоном, это у меня с детства, отец так пил на дежурствах и меня приучил.

Он посмотрел на лимон в ее кружке и ничего не сказал.

С гаражом пошло хуже. Шатров злился, сбивался и начинал заново. Он хотел объяснить, почему Кречет не должен говорить ни слова, пока не выйдет из гаража, и не мог. Вера ждала. Она сидела, положив руки на колени, и не печатала, и это злило его еще больше.

— Не могу я это сказать, — сказал он наконец и бросил колоду на стол. — Это не говорится. Это либо знаешь, либо нет, а словами получается ерунда для отрывного календаря.

— Тогда скажите ерунду, — сказала Вера. — Я переделаю ее в сцену, это моя работа. Но мне нужно, чтобы вы сказали хоть что-нибудь словами. Из ваших пожатий плечами сцены не выйдет.

Шатров посмотрел на нее с таким выражением, что она приготовилась к тому, что он сейчас встанет и уйдет. Он не ушел, сел обратно, собрал колоду и долго тасовал ее, не глядя. Затем посмотрел на Веру через стол так, будто впервые заметил, что напротив сидит человек, а не печатная машинка.

— А вы бы как поставили? — спросил он.

— Я? — Вера даже сняла руки с клавиатуры. — Я помощница, Илья Сергеевич. Я ставлю запятые.

— Полковник спит, а я застрял, — сказал он. — Мне все равно, кто ставит запятые. Как бы вы поставили?

Вера хотела сказать, что не знает, и поняла, что знает. Ставить драки она не умела. Она умела другое: смотреть глазами человека, которого пишет. Она закрыла глаза, как закрывала их над рукописью, когда сцена не шла.

— Он входит со света, — сказала она, не открывая глаз. — С улицы, днем. Первые секунды в гараже он ничего не видит, совсем, только слышит. Где-то капает, из радиатора или с потолка, и он по звуку понимает, где стоит машина. Он не стреляет, пока не видит, он ждет, пока привыкнут глаза. Вот это и есть его страх, самый настоящий, только снаружи его не видно. Пусть зритель тоже ничего не видит. Темный экран и капли. А потом проступает машина, и за ней кто-то стоит.

Она открыла глаза. Шатров не двигался. Потом взял со стола карандаш, что-то быстро записал на краю раскадровки и отодвинул колоду, как отодвигают остывший чай.

— Три секунды темноты канал не пропустит, — сказал он. — Скажут, брак.

— Тогда две, — сказала Вера. — Но капли оставьте, без капель он слепой.

— Ставим, — сказал Шатров. Он не сказал «передам полковнику» и не сказал «посмотрим», он сказал «ставим», и Вера опустила глаза к клавиатуре, чтобы он не увидел ее лица. Про полковника он не спросил, и она была ему за это благодарна.

Фразу он выдал в начале четвертого, когда Вера уже начала клевать носом. Голос у него был хриплый от молчания.

— Он молчит, потому что если скажет хоть слово, то потом уже не остановится, — сказал Шатров. — А там еще работа. Слова — это на потом, когда все кончится, и то не всегда.

Вера вписала это в сцену дословно, как реплику, которую Кречет так и не произносит. Потом она подняла глаза и увидела, что Шатров смотрит на экран через ее плечо. Он стоял слишком близко, и от его свитера пахло сгоревшим порохом и чем-то неуловимо знакомым.

— Вы знаете книгу лучше полковника, — сказал он. — Вы вставили сюда кусок из шестой главы, про пустую канистру, а полковник вчера не вспомнил собственного училища.

— Я десять лет перепечатываю его рукописи, — сказала Вера и сама удивилась, как ровно у нее это вышло. — Он пишет от руки, неразборчиво, на тетрадных листах, и кроме меня его почерк никто не понимает. Я знаю эти книги лучше него: он их пишет, а я их перечитываю, пока набираю.

Шатров коротко кивнул: доклад принят к сведению, но веры ему нет. Потом надел куртку и сказал, что пойдет поспит пару часов. Распечатку пусть она оставит у него в вагончике, он посмотрит до съемки.

Вера проспала два часа, не раздеваясь, и проснулась от того, что за стенкой Стас пел в душе что-то из оперетты. За завтраком в гостиничном буфете она пересказала ему ночь. Рассказывала тихо, наклонившись над тарелкой с сырниками, и Стас слушал с лицом студента, которому за пять минут до экзамена диктуют билет.

— Значит, я написал про человека, который садится, — повторил он. — Это сильно. Я молодец. А что я написал про гараж?

— Что Кречет молчит, потому что если скажет слово, то не остановится, — сказала Вера. — Только вы этого никому не пересказывайте, вы это написали и забыли, у вас контузия.

— Жалко, — сказал Стас искренне. — Такую фразу и не пересказывать.

Распечатка вернулась к девяти утра. Ее принесла Ольгина ассистентка, девочка в огромном пуховике, и положила на стол перед Верой с видом человека, доставившего секретный пакет. Вера развернула листы и увидела карандаш на полях.

Почерк у Шатрова был мелкий и угловатый, буквы стояли, как солдаты в строю, и ни одна не выходила за линию. Пометок было немного, но каждая сидела точно. Напротив ремарки, где Кречет перезаряжает на бегу, стояло «так не бывает». Напротив сцены в гараже, где Кречет держит пистолет на вытянутых руках, — «Кречет так не держит». Напротив шутки про тещу, которую Вера взяла из его же ночного рассказа, — «зачем».

А напротив фразы про человека, который садится и ждет, стояло «а вот это правда». Вера смотрела на эту пометку дольше, чем на все остальные вместе.

Отвечать на полях она не собиралась. Помощница полковника не спорит с постановщиком трюков, она передает. Но в сумке у нее лежала ручка с синими чернилами, и рука потянулась к ней сама. Напротив «так не бывает» Вера написала «у полковника бывает, у вас нет». Напротив «Кречет так не держит» — «это не Кречет, это Артем, Кречет держит правильно». Напротив «зачем» — «затем, что вы сами это рассказали в половине третьего ночи».

Вживую она бы так не смогла. Вживую она немела перед ним, говорила лишнее и смотрела ему в подбородок. На бумаге у нее был голос, ее собственный, язвительный и быстрый, тот, которым она десять лет писала за полковника. Только теперь этот голос подписывался синими чернилами помощницы. Она сложила листы и отдала ассистентке обратно, попросив передать Шатрову.

Через полчаса листы вернулись еще раз. Под ее «у полковника бывает, у вас нет» карандашом было приписано «проверим», а под «затем, что вы сами» — «принял». Больше ничего. Вера убрала листы в папку и застегнула ее на молнию.

Около десяти, перед первым дублем, она увидела, как Шатров на краю площадки гоняет каскадера между ларьками. Каскадер бежал, на бегу менял магазин и снова бежал, и с каждым разом у него получалось быстрее. Шатров стоял, скрестив руки, и считал вслух. На седьмой раз каскадер прошел ряд и ни разу не сбился. Шатров постоял, кивнул каскадеру и ушел к монитору, так и не посмотрев в сторону ленты, за которой стояла Вера.

Рынок начали снимать в одиннадцать, и первые три дубля не получились. Артем падал красиво, с разворотом, а каскадер рядом с ним садился на ящик так, как ему показал Шатров, и рядом с Артемом это выглядело ошибкой. Артем подошел к монитору, посмотрел и сказал, что его Кречет не может просто сидеть, у него зритель, зритель хочет эмоцию.

— Кречет не сидит, сидит тот, в кого попали, — сказал Шатров. — Кречет в этот момент даже не смотрит в его сторону, ему некогда, и вот это и есть эмоция. Сыграйте, что вам некогда, Артем, у вас получится, вы все время торопитесь.

Артем обиделся, помолчал и сыграл. На четвертом дубле Вера стояла за лентой и смотрела в монитор через плечо оператора. Кречет стрелял, а человек рядом с ним садился на ящик и ждал, и Кречет на него не смотрел. Вокруг еще две секунды торговали, ругались и смеялись. Потом до них дошло. В группе у монитора кто-то перестал жевать.

— Снято, — сказала Ольга почти шепотом, что для нее было неслыханно. — Вот это снято. Товарищ полковник, спасибо вам огромное, я не знаю, как вы это сделали за ночь, но это совсем другое кино.

Стас стоял рядом с монитором в свитере под горло и скромно наклонил голову. Он поклонился Ольге, потом группе, потом, подумав, еще раз Ольге. Кто-то из осветителей зааплоди-

ровал. Вера смотрела на эти аплодисменты и глотала их молча, обжигаясь, чтобы никто не заметил.

Шатров стоял у другого монитора и не аплодировал. Он смотрел на Веру дольше, чем было нужно, через всю площадку, сквозь людей, которые хлопали полковнику. Потом его позвали каскадеры, и он отвернулся.

Гараж снимали после обеда. Операторы час ругались из-за света, и Ольга дважды спрашивала у монитора, точно ли полковник хотел, чтобы экран был черный. Шатров отвечал за полковника коротко: точно. Две секунды, сказал он, и ни кадром меньше.

Артем вошел в гараж со двора, и экран почернел. В динамиках у монитора капало: звукорежиссер записал это отдельно, с крана в котельной. Вера стояла за лентой и видела в мониторе только темноту, и люди вокруг нее перестали шевелиться, потому что тоже ничего не видели. Потом из темноты проступил капот, потом колесо, потом чья-то тень у стены, и у кого-то за ее спиной вырвалось «ой». Кречет поднял пистолет только тогда, когда тень стала человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.